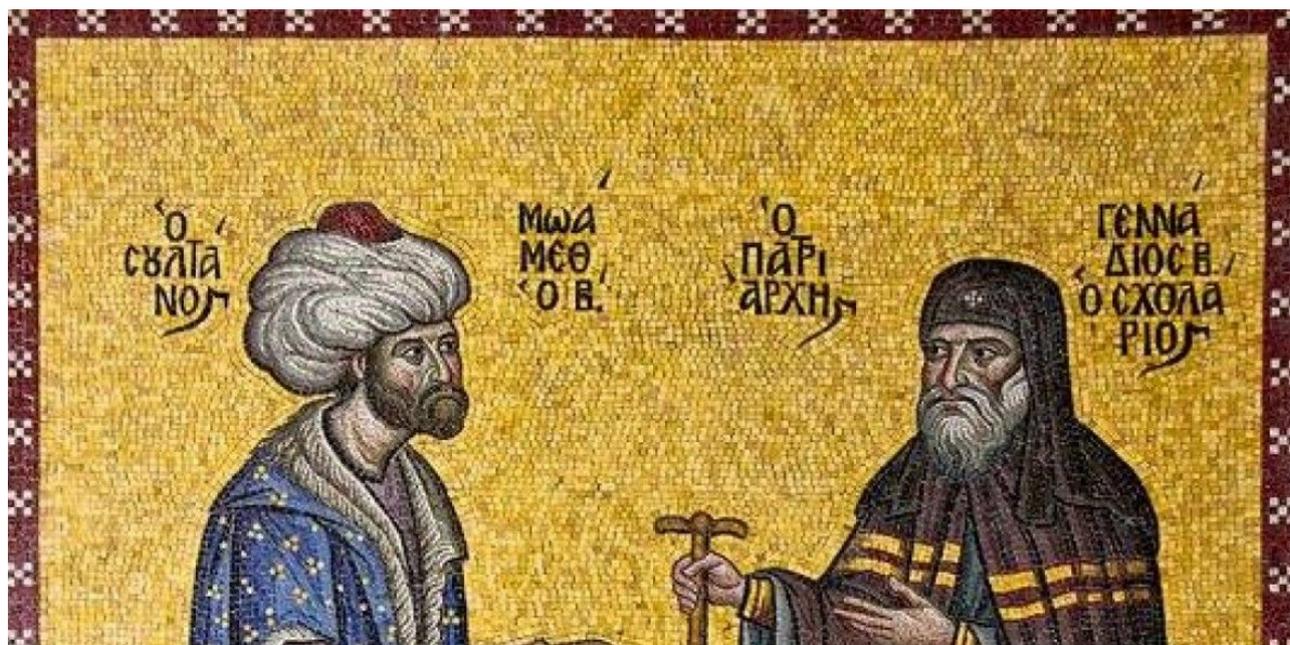

Les Carnets du CEFR

Centre d'études franco-russe de Moscou

Исторический факультет МГУ

Лаборатория медиевистических исследований НИУ ВШЭ

14 мая 2018 г.

Семинар

Мусульмане в Византии и в Московской Руси: интеграция без ассимиляции?

(Musulmans de l'Empire Byzantin et de Moscovie: une intégration sans assimilation?)

Р.М. Шукуров (д.и.н., Истфак МГУ), *Тюрки-мусульмане в византийском мире (1204-1461 гг.)*

М.В. Дмитриев (д.и.н., Истфак МГУ – НИУ ВШЭ), *Мусульмане в Московской Руси: парадокс интеграции без ассимиляции.*

Р.М. Шукуров:

С Михаилом Владимировичем мы задумали наше выступление в том числе как презентацию последних моих публикаций: русской и английской версий моей книги «Тюрки в византийском мире (1204–1461)» (подробнее о книге: http://www.hist.msu.ru/about/gen_news/19182/) и Türk Bizans ilişkileri ve Anadolu Türkleşme Süreci. İstanbul, 2016. Предмет книги на турецком – это сборник моих статей – турки («азиаты» вообще) внутри Византии. Это исключительно византийская история, за пределы Византии я не выхожу, политического аспекта, так же как внешних или дипломатических отношений я практически не касаюсь. Это попытка описания азиатского или тюркского меньшинства – были ли турки в Византии? И мои книги показывают, что они там были. И если так, то рассматривались ли они как меньшинство? Мне представляется, что рассматривались. Что касается различий между английской и русской версий книги, то английская редакция короче. Как мне представляется, это было связано с разницей в научных школах. В русской редакции есть большое и привычное для нас введение с источниками, литературой и т.д. В англоязычном мире так не привыкли писать; в таком формате издаются только кандидатские диссертации. Если это не кандидатская диссертация, то дается только краткое проблемное введение, после которой переходят к исследовательской части. В английской версии также был также приложен словарь тюркизмов и ориентализмов в среднегреческом языке. Это антропонимы и разного рода апеллятивы. В русской редакции все эти этимологии присутствуют, но они структурно не выделены в самостоятельную часть. В дальнейшем я думаю этот словарь переиздать, расширить, дополнить, этимологию сделать более детальной.

То, что касается сборника статей, то он называется «Взаимоотношения между Византией и тюрками и процесс исламизации Анатолии». Исламизацию Анатолии добавили издатели, корректуры я не видел, а статьи переводились разными людьми и качество перевода разное. Часть статей касается Анатолии – греческий и иранский элемент и его влияние на анатолийскую культуры – есть христианское и мусульманские пространства.

Тема моего сегодняшнего выступления затронута в книге, но она не является в ней главной. Конфессиональный вопрос там затронут и обсужден, но весьма кратко, поскольку в большей степени меня интересовали социологические,

антропологические и в одной из последних глав культурологические аспекты. То, что я сейчас скажу, в книге по большей части этого нет. Ответа на вопрос – была ли интеграция без ассимиляции – у меня тоже нет. И я покажу, почему у меня нет однозначного ответа на этот вопрос. Возможно, было, а возможно и нет.

Мы будем говорить о мусульманах, попавших внутрь Византии, в византийское общество и как византийцы обходились с их мусульманской идентичностью. Следует сказать, что мусульманство в византийском правовом поле не существовало, у нас нет ни канонических, ни богословских трудов, которые бы описывали мусульманство как что-то отдельное. Мусульманство было частью языческого мира, языческой религиозности. Это находит очевидное подтверждение, начиная с текстов Иоанна Дамаскина, где мусульманство один из видов язычества. Об этом есть очень большая литература, с этой темой исследователи работают очень давно.

В юридическом корпусе мы видим еретиков, иудеев, но мусульман там нет. Каковы были последствия этого видения? По гражданскому законодательству язычникам не было места в Римской империи, ее граждане не могли быть язычниками, ее гражданами могли быть только христиане или иудеи. Это право укореняется с Кодекса Феодосия Великого, с 380-х гг., т.е., начиная с христианизации империи, с провозглашения православного христианства государственной религией. Исходя из этой посылки, мусульман, не обращенных в христианство, не могло быть на территории Византии. В то же время мы знаем, что в Византии были мечети. Это тоже хорошо известный и давно обсуждавшийся факт. Сведений о них достаточно много. Самое раннее сообщение – это «Об управлении империи» Константина Багрянородного X в., который говорит о том, что первая мечеть в Константинополе была построена в начале VIII в., примерно в 715-716 гг., в преторианской тюрьме: «Внуком Мавии был Масалма, ходивший походом на Константинополь. По его просьбе была воздвигнута сарацинская мечеть в царском претории». В X в. о мечетях упоминают как византийские, так и арабские источники. У нас есть договор 987 г. между Константинополем и фатимидским Каиром, где говорится о постройке, видимо, новой второй мечети. О тюремной мечети, кроме Константина Багрянородного упоминают также еще два сообщения – константинопольский патриарх Николай I и арабский автор аль-Мукаддаси.

Вплоть до XV в. идут сообщения о константинопольских мечетях, как выстроенных по договору. Можно предположить, что в какие-то моменты их разрушали. Когда-то речь идет о постройке, когда-то об обновлении, когда-то о смене хутбы, т.е. решался вопрос, кого славословить во время пятничной

проповеди: каирского султана или багдадского халифа? В XIII – XV вв., видимо, мечети (или мечеть?) также были в Трапезунде. При внимательном рассмотрении источников выясняется, что мечеть была построена для военнопленных, т.е. для тех пленных, кто отказался принять христианство. Если они принимали христианство, их интегрировали в общество, если не принимали – то держали в тюрьме до смерти или обменивали. В XIII в. тюрьма для военнопленных-мусульман была в Никее. Таким образом, с одной стороны, мечети окормляли военнопленных, либо, начиная с X в. – торговцев, дипломатов или других мусульман, оказавшихся в Константинополе, то есть тех, кто находился вне византийской юрисдикции и византийского общества. От рубежа XIII – XIV в. мы знаем жалобу патриарха Афанасия I на звучавший в Константинополе азан – громкий призыв к молитве его раздражал. В данном случае речь также шла о мечети, которая обслуживала религиозные нужды иностранцев.

Что мы знаем о процедурах или практиках взаимоотношений византийцев и иностранцев? Здесь я хотел бы быть более детальным. То, что я рассказывал прежде в научной литературе уже было подробно обсуждено. Здесь я хотел бы остановиться на двух процедурах, которые можно выделить для византийской практики. Первая из них – установление союзов, вторая – переход в римское подданство. Это были совершенно разные процедуры. Кто был субъектом в первом случае? Наемники, союзные войска. С самых ранних времен эти люди оказывались в византийской армии, с тех пор, когда мусульмане стали давить на границу, угрожать Константинополю. Эта процедура не предполагала смену вероисповедания и регулировалась в рамках *ius gentium*, права народов, взаимоотношений римлян с другими народами или племенами. Мы также знаем о случаях перехода в византийское подданство. В этом случае человек оказывался в пространстве *ius civilis*; он начинал иметь права и обязательства римского подданного. Эти процедуры нельзя смешивать, хотя в литературе их часто смешивают и некоторые авторы не фиксируют внимания на различиях.

Что касается установления союзов, то мы знаем немного. Это отрывок из проповеди Михаила Хониата, обнаруженный в русской рукописи афинского митрополита и прекрасно проработанной Алексеем Михайловичем Крюковым. Михаил Хониат говорит о способах установления союзов с тюрками. Византийцы и тюрки давали взаимные клятвы, после которых совершались ритуалы. Здесь мы имеем прецедент установления союзов с язычниками. Они клянутся на своем языке и затем скрепляют клятву странными ритуалами: «надутый воздухом мех, пучок

травы и собака, которую пополам рассекают мечом». Ритуал с использованием надутого воздуха меха непонятен, ни я, ни Алексей Крюков не выяснили его происхождение и что он обозначал. Пучок травы – известный способ подтверждения клятвы, даже не чуждый древним римлянам республиканской эпохи: брали пучок травы, поднимали или подбрасывали в небо. Также широко известен ритуал, когда собаку рассекали мечом, особенно он был распространен среди тюрков. От Дуная до Тихого океана, например, в Венгрии (тогда это могли быть половецкие и венгерские собаки) археологи находят скелеты рассеченных собак. Иногда собаку рассекали и между двумя ее половинами проходили люди, заключавшие союз, иногда стороны пили кровь убитой собаки¹.

Ритуал с рассечением собаки упоминается в рассказе Плана Карпини о женитьбе венгерского короля Иштвана и половецкой княжны Елизаветы: «согласно своему обычаю принесли клятву над рассеченной мечом на две части собакой», обязуясь защищать венгерскую землю от врагов. Другое свидетельство принадлежит французскому хронисту Жану Жуанвиллю. По его словам, куманы, чтобы ознаменовать заключение союза с латинским императором Константинополя Балдуином II против Иоанна Ватаца, «притащили собаку между своими и нашими людьми и разрубили ее на куски своими мечами, причем наши люди поступали так же; и они заявили, что подобным же образом следует разрубить на куски и их самих, если они предадут друг друга».

По византийскому праву, когда заключался союз и скреплялись клятвы, иностранцы должны были клясться по своему: своим богам и совершать свои ритуалы. Принося клятву своим богам, которых они боятся, они не будут нарушать свои клятвы.

Что касается мусульман, то у нас сохранилась мусульманская клятва из византийского рукописного сборника второй половины XIV в., которая хранится в Британской библиотеке. Она была издана С.П. Ламбросом в 1911 г. и затем переиздана Е. Захариаду. Она – большой ученый, специалист по тюркско-византийским отношениям и с хорошим рабочим знанием средневекового турецкого и османского языков. Мне кажется, ее комментарий не совсем правильный. Это большой текст. Видимо, он исходил из не очень важного вождя. У нас сохранились несколько договоров Мехмеда II с христианами, латинянами, которые тоже содержат

¹ Крюков А.М. Ученая традиция и провинциальные реалии в гомилиях митрополита Афинского Михаила Хониата (1182–1205 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2015. С. 225-234; он же. Византийцы и их соседи в проповедях Михаила Хониата // Причерноморье в Средние века. Вып. VII. М.-СПб., 2009. С.33–53.

клятвы. Они на греческом языке небольшого размера и клятв там намного меньше. Наш текст в печатном виде составляет 4 страницы. Он состоит из нескольких клятв, из которых я постарался выделить несколько элементов. Это текст на греческом языке, в котором мы находим прямые цитаты из Корана и видим транслитерацию арабских слов греческими буквами.

Фраза, с которой начинаются все коранические суры: Во имя Бога милостивого и милосердного – это ключевое обращение мусульман Богу.

Целиком приведена 112 сура: «Он – Единый, самодостаточный, не родил Он и не был рожден и не был равен Ему ни один».

Затем идут другие коранические цитаты, шахада («нет Божества, кроме Бога и Мухаммад – Его пророк»), благословение Мухаммаду («О, Господи, благослови Мухаммада и его род»). После них следует пространный арабский текст с разного рода клятвами:

«Клянусь Богом, клянусь Богом, клянусь Богом, создателем небес, и земли, и моря, и всего, что до них, клянусь богом, живым и бессмертным, который никогда не умирал и не умирает, клянусь Богом, не имеющим ни начала, ни конца, клянусь богом, обладателем жизни и смерти, который никогда не рождал и не рождался».

При большом желании здесь можно выделить коранические аллюзии и парафразы, например, «не имеющий ни начала, ни конца» – это парафраза или полная цитата; «обладающий жизнью и смертью» – парафраза 2-айятта 67 суры и др. Есть и другие интересные моменты:

«Клянусь Меккой, великим домом Бога или же гробницей нашего пророка Мухаммада». Имеется в виду, что Мекка – это также гробница Мухаммада. Это ошибка, так как Мухаммад похоронен в Медине. Это указывает на уровень религиозных знаний тех мусульман, которые приносили клятвы.

Важно отметить, что текст лишь частично написан на греческом языке. Другие части не переведены. После него идет греческий текст, в конце идет тюркский текст с переводом на греческий: «единый Бог», «тот, который является началом и концом».

Здесь мы видим процедуру установления союза. Это ни в коем случае не переход в византийское подданство. Почему арабский не переведен? Здесь он играет роль разрезанной на две части собаки. Это тот самый молитвенный ритуал, который подтверждает клятву. И когда клянутся христиане и мусульмане, то рецитацией Священного Писания они совершают ритуал. Язычники этот ритуал проводят совсем иначе – разрезанием собаки и т.д.

Тюркские части не рассматриваются как священные, поэтому их можно перевести на греческий.

Среди клятв упоминается имя айдынского эмира Хызыра, который правил Айдыном, тюркским княжеством в западной части Малой Азии в середине XIV века. Е. Захариуаду утверждает, что это клятва Хызыра, которую он давал византийскому императору – Иоанну Кантакузину или его преемнику Иоанну V Палеологу. Мне представляется, что она не права и перед нами формуляр, который был составлен кем-то из греков специально для того, чтобы подсовывать эту бумагу клянущимся мусульманам, чтобы они выбрали то, что им нравится. Этот формуляр создавался на основе реальных более ранних документов. Насколько они были ранние, сказать трудно. Здесь мы видим многократное употребление имени Мухаммада. Он упоминается в четырех орфографиях, последняя версия – Моамет – восходит по меньшей мере к X веку. Есть эллинизированные (Моамет) и арабизированные (Мухамад, Могамет, Мухаммед, Мохаметум) формы. В этих вариантах мы также видим вокализацию кратких гласных (Мухаммед и Мухаммад), что отражает диалект тех, кто это произносил. Клятвы записывались на слух. Есть пласт тех, кто произносил «Мухамад» и тех, кто говорил «Мухаммед». Затем мы видим разную передачу таждида, удвоения «м»: с удвоенной «м» человек произносил это имя по-арабски совершенно правильно и скорее всего знал арабскую грамоту. В то же время мы видим одинарное «м» – результат элинизации или диалектной особенности. Есть также разные виды ударения: на арабском языке ударение на предпоследнем слоге, в персидском и тюркском – на последнем.

Это указывает на составной характер документа. Такой клятвы не существовало. Это формуляр, который брали за основу, вставляли свои имена, имена тех, кому они клялись, а также дополнительное содержание – то, в чем они клялись, что они будут делать, а что не будут.

По сравнению с этим источником Мехмедовы договоры значительно меньше. Они включают только благословение Мухаммада и бисмилу. Таким образом, я думаю, что это формуляр, восходящий к неизвестно какой древности.

Что для меня здесь важно? Такие клятвы могли давать только иностранцы. «Местные» таких клятв давать не могли. Это некий иностранец, который входит в некие отношения с византийской властью. Это то, что касается *ius gentium*.

Если мы говорим о переходе в римское подданство, то процедуры здесь были совершенно другие. В римское подданство они переходили через крещение и других вариантов не предусматривалось. Вначале крещение, затем все остальное. Я уже

говорил, что мусульман в богословских или полемических трактатах рассматривались как язычников. Это также подтверждается историей томоса Константинопольского собора 1180 г. Византийский император Мануил I Комнин поднял вопрос об изменении формулы анафемы «бога Мухаммедова» и попытался изменить чин отречения мусульман. С одной стороны, мусульмане были язычниками, с другой, они проходили через чин отречения и должны были анафематствовать Мухаммада, Коран и Бога Мухаммада. Мануил предложил убрать из чина «бога Мухаммедова», утверждая, что анафема на бога Мухаммедова относится к истинному Богу. Синод, патриарх и другие богословы приняли предложение императора резко отрицательно. Император с помощью секретарей составляет собственный томос, который продавливает через свою администрацию. Однако бескомпромиссная позиция Церкви в этом споре возобладала. Самый ранний чин отречения восходит к IX веку и включает в себя анафематствование бога Мухаммеда. Что касается католиков, то после Второго Ватиканского собора на догматическом уровне было признано, что Бог Мухаммада – тот же самый Бог, что и у христиан.

Что мы имеем, когда говорим о переходе в подданство? Это коллективные или индивидуальные крещения. Что касается коллективных крещений, то мне известны только случаи обращения язычников. Таких примеров немало. Это крещение Руси и то, что крещение Руси происходило по византийским схемам указывает массовое крещение печенегов в 1045 г. Печенежский вождь Кеген, теснимый другими печенежскими племенами, захотел перейти в византийское подданство. С ним было порядка 20 тысяч печенегов и все они были крещены в Дунае. Подробного описания нет, но, судя по крещению Руси, люди входили в воду, бродили по берегу реки, а священники на берегу их крестили. Важно отметить, что ни в случае массового крещения русских, ни в случае с крещением печенегов, мы ничего не знаем об оглашении. Язычников, видимо, крестили, так же как детей, *paedobaptismus*. Владимир рушил идолов – но было ли это оглашением? Вряд ли. К этому времени он уже был христианин. В богословском дискурсе ислам – это язычество, однако мусульмане проходили через чин отречения и анафематствования своей религии. Об этом говорят все известные мне прецеденты их крещения. Случаи массового крещения мусульман, вероятно, имели место во время византийской реконкисты IX – XI в. Сирии, когда граница передвигалась весьма быстро. Мусульмане не могли покинуть эту территорию, кто-то уезжал, но кто-то, вероятно, даже большинство оставалось. Что с ним было, непонятно. Возможно, они проходили массовое

крещение. В моей книге подробно описана история обращения в христианство тюрков 1264-65 гг. В 1262 г. сельджукский султан Изз-ад-дин Кайкавус II бежал из анатолийской Коньи в Византию. Он воевал с монголами и их союзниками, но потерпел поражение и бежал в Константинополь. У меня была статья, в которой я предположил, что *Кайкавус имел дуальную религиозную идентичность*². Это ни в коем случае, не синкретизм, но дуальность. Перед мусульманами он выступал как мусульманин, а для христиан был христианином. Его мать, бабушка и прабабушка были христианками. Богатые и знатные мусульмане имели гаремы, состоящие преимущественно из гречанок, говоривших на греческом. В сельджукских гаремах были церкви и это совершенно точно. О двух церквях мы знаем точно. В Конье церковь не сохранилась, но мы о ней знаем, но в Анталы – также на территории дворца – церковь стоит до сих пор. Также церкви в Испире и Байбурте на территории турецких цитаделей я предположил считать гаремными церквями³.

Кайвакус оказался в Византии. Никто из сельджуков не бежал в Алеппо, в Антиохию, в Багдад. Если они становились политическими беженцами они напрямую бежали в Константинополь. Эта традиция восходит еще к XII в. Почему? Они были билингвами и, возможно, людьми с дуальной религиозной идентичностью. За Кайкавусом последовало огромное количество людей. Определить сложно, но это было много тысяч. Это были его подданные, кочевники и оседлые, которые не хотели подчиниться монгольской власти; они ненавидели монголов. В это время в Анатолии было большое количество переселившихся с Востока беженцев, бежавших от монголов и претерпевших от них. Монголы их достигли в середине XIII в. и они эмигрировали вместе со своим султаном. Возможно, именно эти тюрки были поселены в Добрудже и потом с течением времени переселились на территорию современной Молдавии и стали гагаузами. По одному из толкований, гагаузы – это «люди Кайкавуса»; в западнотюркском произношении «к» может перейти в «г». Возможно, часть из них были христианизированы. Среди тех, кто жил в Добрудже, были и христиане, и мусульмане. По сообщению Ибн Батуты, в первом десятилетии XIV в. они были мусульманами. Вместе с тем с давних времен гагаузы исповедуют византийское православие. И их христианизировали не русские и не румыны. Следовательно среди них были и обращенные христиане. Они не могли принять христианство в

² Шукуров Р.М. Султан Изз ал-Дин Кайкавус II в Византии (1262–1264/1265) // Византийский временник. Т. 71 (2012). С. 7-26.

³ Шукуров Р.М. Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремного христианства? // Византийские очерки. СПб., 2011. С. 228-242.

Анатолии. В свое время Ирен Бельдчеану-Штайнхер (Beldiceanu-Steinherr), крупный исследователь-тюрколог, пыталась доказать, что в Анатолии существовали анклавы тюрок-несториан, переселившихся из Средней Азии⁴. Статья хорошая, но, на мой взгляд, доказать ей это не удалось. То ли да, то ли нет. Так или иначе, если гагаузы христиане, то скорее всего, они были христианизированы в Византии. Кроме того, даже если предположить, если Бельдчеану-Штайнхер права, то пишет о несторианах, а не о православных.

Кайкавус жил неплохо, общался с патриархом, участвовал в службах. Затем произошла темная история, и он оказался замешан в заговоре против своего же покровителя Михаила VIII Палеолога. Исследователи считали, что, возможно, это был наговор византийских историков, но все источники, греческие и восточные, говорят, что заговор был. Он, то ли поддержал местных греков-заговорщиков то ли сам рассчитывал на что-то. На рубеже 1264-1265 гг. султан бежал от гнева императора в Золотую Орду. Бежал налегке: из четырех сыновей с ним последовали только два сына. Его жена была дочерью греческого иерарха из Коньи. Линия его матери также была греческого происхождения. Совершенно естественно, что он знал греческий. Интересней узнать, в каком возрасте и как он выучил персидский и тюркский. Он выучил греческий от своих родственниц, которые были знатными дамами, окруженными греческой гвардией и другими родственниками. Есть сведения, что все его родственники были насильственно крещены. У нас есть сообщения о том, что в Константинополе был задействован Синод. Крещения происходили на втором этаже западной галереи Святой Софии. От них требовали анафематствования мусульманства и перехода в христианство. Те, кто отказался, по одним данным ослепляли, что маловероятно, по другим – отправляли в тюрьму, что вполне возможно. До этого они были иностранными подданными, а теперь они оказались людьми без подданства. У них был выбор: или стать подданными Михаила VIII, или отправиться в тюрьму. Коллективное обращение здесь невозможно. К мусульманам относились чрезвычайно индивидуализировано. Это может быть большая масса мусульман, но они должны говорить, отказаться от своей веры. Даже если это большая масса мусульман, крещение происходит очень индивидуализировано. Очень похоже на русское шертование, о чем, наверно, многие уже подумали. Но чем отличается византийская схема от русского

⁴ Beldiceanu-Steinherr I. La population non-musulmane de Bithynie (deuxième moitié du XIVe s. première moitié du XVe s.) // The Ottoman Emirate (1300-1389) / Ed. E. Zachariadou. Rethymnon, 1993. P. 7-22.

шертования? Дело в том, что шертование применяли и для установления союзов с тюрками и для принятия в подданство. При этом тюрки или татары, которые проходили через этот обряд, оставались мусульманами. Шертование применялось и в том, и в другом случае, в Византии мы видим четкое разделение двух юридических уровней – *ius gentium* и *ius civili*.

На этом можно было бы закончить, но есть еще один аспект. Я упоминал византийскую реконкисту на Востоке и неясную судьбу мусульманского населения. У нас есть печати XI века византийских официалов, чиновников, находившихся на службе у императора. Язычники, какие-нибудь печенеги, не могли без принятия христианства занимать эти должности. Мы это ясно видим по византийским источникам – у Скилицы, Анны Комниной и т.д.. Однако печати дают другую картину. На одной из них официал подчеркивает свою арабскую идентичность, так как пишет по-арабски. Реверс и аверс печати различаются. В одном месте есть обращение Богу по-гречески: «Господи помоги Даниилу-вестарху», а по-арабски: «Благословение от Бога Даниилу» («барака мин-Алла»). Упоминание Аллаха не должно вводить в заблуждение: арабоязычные христиане называли Бога «Аллахом». Другого слова для Бога не было; это слово еще до ислама придумали христиане. Упоминание Аллаха на ктиторской надписи можно было видеть на одной из алеппских церквей 6 в. И это не единственная надпись, где присутствует христианский Аллах. Этот официал мог быть как христианином, так и мусульманином. Мы скажем, что он был христианином, так как мусульмане не могли присутствовать на этой территории. Его имя, Даниил, было христианским. Официал другой печати, тоже, чиновник, вестарх, не мог быть христианином. Его имя дано на греческом (Мухумед) и на арабском (Мухаммед Абу Наср Салихи) языках. Арабоязычный христианин не мог носить имя Мухаммед. Любое другое, но не это. Якуб, Юсуф могут быть христианами и мусульманами, но не Мухаммед. Это XI век и мы видим на востоке Анатолии, на границе Сирии, чиновников-мусульман. Как их поместить их в правовое византийское поле я не понимаю и не знаю. Если он чиновник, то он входит в отношения с другими подданными Византийской империи и эти отношения могут быть конфликтными. Как их судить, если он был мусульманин? Какую он давал клятву? Как он покупал и продавал? Как он составлял документы? Он писал: Во имя Бога милостивого и милосердного? Или: Во имя Отца, Сына и Святого Духа? Если человек дает клятву, он должен клясться своей религией, чтобы быть верным этой клятве. Он не может клясться другим Богам. Вопрос остается

открытым. Теория убеждает нас, что мусульман там быть не могло. Практика и археология убеждает нас, что они там были.

М.В. Дмитриев:

Где искать, ответ на последний вопрос Рустама Муххамадовича, где искать ответы на эти загадки, я, кажется, знаю. В Московской Руси! И я сейчас объясню, что имеется в виду... В своем выступлении я представлю результаты проекта, который начался еще в 2011 г. в Центре украинистики и белорусистики МГУ. Он обращён к проблеме различий между православными культурами Европы, и культурами домодерного «латинского» Запада в том, что касается их отношения к мусульманскому миру. В частности, в декабре 2011 г. в Библиотеке иностранной литературы был проведен большой круглый стол, и его материалы полностью опубликованы на сайте ЦУБа. В 2012 г. проект был продолжен в Лаборатории медиевистических исследований ВШЭ. В нем приняли участие такие крупные специалисты по истории мусульман в России и русско-татарским отношениям, как И.В. Зайцев, А.В. Беляков, М. В. Моисеев и др. Особенно меня порадовал А.В. Беляков. Когда в апреле 2012 г. он выступал, он говорил, что не знает каких-либо случаев, когда мусульманин был на московской службе, кроме одного исключения в виде одного городского головы. В 2014 году, в последнем семинаре нашей серии, он сообщил, что был неправ в апреле 2012 года... Интенсивно работая с материалами Темниковского уезда, темниковской и кадомской съезжих изб в РГАДА, он обнаружил воеводу-мусульманина и других мусульман на царской административной службе. Он приводил пример Мамлеевых – это была смешанная семья, состоящая из мусульман и христиан, и из мусульманской части этой семьи кто-то служил то ли воеводой, то ли городской головой. Также есть князья Еникеевы, князья Карамышевы и др. Судя по тому, что доложил нам А.В. Беляков, выясняется, что византийский вопрос был разрешен в районе Рязани, мещерских болот, где жило перемешанное население татар, мордвы и русских...

Над этими же материалами в свое время героически работала наша французская коллега Елизабет Теро, которая, сверх того, написала блестящую диссертацию о монастырских владениях митрополичьей кафедры в XIV – XV вв. Я помню ее, сидящей за столом РГАДА с тяжеленными книгами по 500-600 страниц – кадастровыми описаниями Темниковского уезда. Я ее спросил о том, какие отношения складывались между христианами и мусульманами в этом уезде и она

ответила, что отношения были вполне добрососедскими. Она же сделала доклад на эту тему во время нашей конференции, посвященной проблематике религиозной терпимости и нетерпимости в христианских культурах (сентябрь 2005 года), и свой материал где-то опубликовала. И теперь благодаря исследованиям Белякова, Торо, ряда других историков, становится ясно, что в Московской Руси не было проблемы в том, чтобы мусульмане были интегрированы в состав служилого сословия России. И не только как мурзы/мирзы, то есть военные, служилые и кормовые татары на низших ступенях государственной службы, но и как представители высоких слоёв иерархии...

Я поделюсь некоторыми эпизодами из того, что ложиться в канву нашего семинара.

Я дам некоторые примеры того, что значит интеграция мусульман в Московскую Русь.

Посольские документы говорят о сеидах или сеитах Ногайской Орды, как «божиих посланниках Магометова корня». Сеиды – потомки пророка Мухаммеда. Или, например, в переписке с ногаями или крымчаками мы встречаем в письмах в Москву: нас мусульманѣ Бог сотворил, и вас, христиан, Бог же сотворил. Ивану IV из Крыма или Ногайской Орды пишут: а у нас с тобою Бог один и вера не одна, ты и мы – Божии холопы, хотя и вера наша розна. Затем аналогичные пассажи повторяются с российской стороны, когда ногаям и крымчакам пишут, что они с ними одного корня. Одну фразу я особенно люблю и постоянно козыряю. Мне ее подсказали студенты в Будапеште, сославшись на английскую статью, но эта цитата уже есть у С.М. Соловьева. В 1563 г. в Ногайскую орду идет текст, подписанный Иваном IV, в котором он пишет об обещании не переселять мусульман из одного места в другое, так как в нашей земле христиане и мусульмане живут «еднака» и каждая группа людей имеет право исповедовать ту веру, какую хочет, а затем Бог на Страшном суде решит, кто был прав, а кто не прав:

«Вера дей вере не друг. Христианской дей государь мусулманого того для изводит. А у нас в книгах крестьянских писано николи не велено силою приводити к нашей вере; но хто какову веру захочет, тот такову веру и верует. А тому Бог судит в будущий век кто верует право или не право; а человеком того судити недано. А и у нас в нашей земле много мусулманского закону людей нам служит, а живут по своему закону».

Эту фразу я люблю давать моим иностранным студентам и спрашивать, кто ее написал. Мне говорят: Монтень, Локк, Бэкон, в крайнем случае или даже Шекспир. Я отвечаю: Иван Грозный, современник Шекспира.

Или практика скрепления международных договоров, когда надо было поцеловать Коран, положить руку на Коран, шертовать на Коране. Но это только начало истории и таких истории очень много. Сама практика шертования удивительна. Как сегодня напомнил нам Рустам Мухаммадович, шерть в московском обиходе – это документ, который содержит присягу на службу московскому князю мусульман со всеми отсылками к мусульманским и иногда полуязыческим реалиям, но это совершенно не такой документ, который предполагает в будущем обращение в христианство. Все это в упрощенном виде свидетельствует о том, что темная Московия в какой-то степени опередила просвещенную Византию, которая не могла ассимилировать агарян, сарацин или мусульман потому, как они должны были непременно стать христианами. А Московская Русь их интегрирует без обращения в православие через шерть.

Дальше еще более интересные вещи, если мы берем не дискурсы и не высказывания, а практику. В 1553 г. некий мирза Белек Пулат Бек Хаджи Мухаммед просит у молодого Ивана IV – в то время как в Москве преследуют еретиков – строительный материал для возводимого «божьего дома мизгити». В 1564 г. Дин Али Бек Хаджи Мухаммад сообщил о желании получить 100 рублевое жалование, чтобы тем бы мне с тем жалованием поставити в сарайчике мечеть. Я не могу сказать, дали ли деньги или не дали, но у нас есть прямые свидетельства, что деньги выделяли на строительство мечети в Астрахани. Э. Челеби, посетивший Россию во второй половине XVII века, отмечал множество мечетей на Волге. И.В. Зайцев справедливо напомнил во время наших семинаров, что Челеби был фантазером, но мы твёрдо знаем, что мечети на Волге были. И не для пленников, но для подданных московского государя, которые не иностранцы.

В документах, касающихся колдовства, мы находим документ 1630 в. В Лебедяне у стрелецкого головы проживает баба-ворожея, татарка, которая, ходя по стрелецким и казачьим слободам, ворожит и лечит. Баба-татарка – это ни в коем случае – не татарка по происхождению, а мусульманка⁵.

Другой интерес представляют жалобы христиан на мусульман. Скажем, в Тобольске во времена, правда во времена Петра I, сибирский митрополит Филофей

⁵ АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 303-305.

жалуется на изобилие мечетей в городе и чтобы мечетям татарским между церквями Божиими больше не быть потому, как от мечетей церквам Божиим бывает прешкода (очевидный полонизм киево-могилянского круга), а христианам, живущих в соседстве с татарами не без того, чтобы с ними не пили и ели, праздников татарских не праздновали, и чтобы не спали с поганами и погане с христианами. Митрополит требует сегрегации христианского и мусульманского населения. А иные же татары, живущие вместе с христианами в великий пост веселие свое поганое отправляют на соблазн христианам. Петр I велит выселить татар за город и поселить их за Знаменским монастырем и там поставить им мечеть.

В 1614 г. игумен Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Кирилл и монастырские братья жаловались на сибирского царевича Араслана Алеевича «Будто бы для оберегания... пришел в Вологду с Романова Барай Мурза Кутумов с дворянами, детьми боярскими, татарами и с казаками». То есть в его отряде были православные и мусульмане. Со своими буйными толпами он остановился в прилуцком сельце у монастыря и «досталь разорил его». Приехавши, он послал к монастырю грамоту за своею печатью, в которой приказывал «послать к нему корму ратным людям на тысячу на двести человек, хлебов печеных и рыбы всякой, и икры, и круп, и толокна, и вина, и пива, и меду, и денег, что давать ратным людям...». Мурза стоял у Вологды 9 дней и постоянно получал из монастыря все содержание для своих войск. Между тем его татары и казаки, «стоячи на Вологде, разъезжали днем и ночью по селам и по деревням, служек и крестьян грабили и жгли огнем... платье всякое и хлеб всякий, насылав на возы... на Вологде продавали и к себе в Романов и в Галич отсылали, а управы на тех ратных людей царевич и мурза не давали⁶.

Еще один яркий пример отношений между крестьянами и мусульманами из жалобы 1625 г. крестьян села Ширинги Ярославского уезда на князя Артения Шейдякова. Очевидно, это был крещеный татарский князь. Согласно жалобе, для содержания кормовых татар он заставлял крестьян во время Великого Поста приносить гусей, кур и баранов. У крещеного князя есть кормовые татары, которые кормятся от местного населения. Это мусульмане, которые служат вместе с Шедяковым и которых надо чем-то кормить. Кроме того он выбивает и не записывает оброк, татарок от некрещеных татар начал к себе на постелю брать. Так, он увез с собой в Ярославль некрещеную татарку, а в городе еще взял в постель

⁶ Акты археографической экспедиции». Т. 3. № 16.

русскую женку Матрену Белошейку. «И в праздник в Николин день в Ярославле у себя на подворье баню топил; живя с этими жонками в Ярославле до Рождества Христова, играл с ними зернью и *веселых* держал у себя для потехи беспрестанно. Тем жонкам все зернью проиграл да веселым роздал, и платье с себя все проиграл. Крестьяне не вытерпели, частью разбрелись, частью остались и с оставшихся князь дерет оброк и насылает на них кормовых татар⁷.

Точно так же на украинских землях жили православные и евреи, они выпивали и дрались в кабаках, затем дружно мирились, в еврейских домах жили христианские служанки, которые рожали детей. Есть масса документов, которые показывают сосуществование между людьми разных вероисповеданий. Здесь я напоминаю, что одна из самых больших, удивительных и загадочных и не исследованных страниц – это то, как на украинско-белорусских землях до середины XVII века относятся к мусульманам.

То, что я сказал – это не новое. Материалы такого рода давно известны. Часть из них собрано в четыре тома материалов В.В. Вениаминова-Зернова об отношениях между мусульман и московских властей XV – XVII вв⁸. Об отношениях к мусульманам писал Барон фон Нольде в исследовании о складывании Российской империи⁹. Следует также выделить работы И Глазика, Х.-Х. Нольте, А. Капеллера, Х. Лемерсье-Келькеже, В.Н. Рудакова¹⁰, а также дореволюционных авторов, как Н.А. Фирсова¹¹, много писавших о том, как складывались отношения между мусульманами и христианами в Поволжье.

Лучшее введение в проблематику – это переизданная сравнительно недавно книга Р.Г. Ланды «Ислам в истории России». Сам автор –специалист по Алжиру с удивлением смотрит на русский опыт. Он много пишет о XIX веке, но начинается с XVI – XVIII вв. Есть целый ряд работ по Казанскому ханству, например, М.

⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 9.

⁸ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863-1887. Ч.1-4.

⁹ Nolde B. La formation de l'Empire Russe. Т. 1–2. Paris: Institut des études slaves, 1952.

¹⁰ Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII — XV вв. М., 2009; Glazik J. Die Islammission der Russisch-Orthodoxen Kirche. Eine Missionsgeschichtliche Untersuchung nach russischen Quellen und Darstellungen mit vier Übersichtskarten. Münster, 1959; Nolte H.-H. Religiöse Toleranz in Russland 1600–1725, Göttingen, 1969; Id. Verständnis und Bedeutung der religiösen Toleranz in Russland, 1600–1725 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge, XVII (1969). S. 494–530; Lemercier-Quelquejay Ch. Les Missions orthodoxes en pays musulmans de moyenne et basse Volga, 1552–1865 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 8 (1967). P. 369–403; Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. Bis 19. Jahrhundert. Köln-Wien, 1982; Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Hrsg. von A. Kappeler. Wiesbaden, 2004.

¹¹ Фирсов Н. А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762. Казань, 1869; Он же. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1886

Ходаковского¹². В Казани, кажется, уже вышли 5 томов «Истории татарского народа», доступные в интернете. Есть работы о взаимодействии монгольского Востока и Московской Руси.

Между тем в некоторых научных работах и публицистике все еще укоренены стереотипы, как, например, в книге Галины Емельяновой¹³ о том, что Россия не могла нормально ужиться с исламом за некоторыми исключениями и Казанское взятие, конфликты XVII века – это характерные примеры. Как мы сейчас видим, эти стереотипы не покрываются фактическим материалом. Этот материал свидетельствует о том, что в рамках России или Московской Руси происходила интеграция.

Мои статьи об отношениях мусульман и православных в Московской Руси показывают или точнее обосновывают гипотезу, что с этими стереотипами нам надо расставаться как можно скорее.

Про Касимовское княжество мы более или менее знаем, но интеграция мусульман происходила и в других регионах страны, как районе Романова, Каширы, Ярославля, подмосковного Звенигорода. В 30-е гг. XVI в. под Звенигородом около Саввино-Сторожевского монастыря Акхимбек и Муртазалей Акхимбекович владеют православными деревнями и получают соответствующий доход¹⁴. Этот факт давно известный, что татары находятся на таком же привилегированном уровне, что и московские дворяне; они владеют деревнями, остаются мусульманами и у них есть не только кормление, но и прямое землевладение.

Касаясь Казани и Казанского взятия – Казань была разграблена, многие мечети были разрушены – это все верно, но самое интересное, что происходит позже. До недавнего времени я был уверен, что после взятия Казани всех татар выгнали, край русифицировали и колонизовали, но затем я просмотрел писцовые книги 1565-1568 гг., т.е. кадастровые документы, составленные через 15-16 лет после взятия Казани. Их материалы показывают, что в Поволжье на протяжении все периода (вторая половина XVI – XVII вв.) имеют свои поместья сотни служилых

¹² Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana Univ. Press, 2002; Id. The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // Of Religion and Empire: Missions, Conversion and Tolerance in Tsarist Russia / Ed. by Robert P. Geraci and Michael Khodarkovsky. Ithaca; London, 2001. P.115 – 143.

¹³ Yemelianova G.M. Russia and Islam. A Historical Survey. New York: Palgrave, 2002.

¹⁴ Были крещеные татары: «А что есми пожаловал царевича Муртазалея, а во крещении Михаила, Кобулина сына Ахкибекова, городом Звенигородом, по тому же, как был Звенигород за царем Симеоном казанским, и сын мой Иван держит за ним Звенигород, по нашему жалованью, а служит царевичь Муртазалея, а во крещении Михайло, сыну моему Ивану, а отъедит куды-нибудь, и город Звенигород сыну моему Ивану».

татар. Среди их феодально зависимых крестьян — и православные, и мусульмане, и язычники, и тюрки, и финно-угры. Из одной из опубликованных писцовых книг (составлена в 1602–1603 гг.) видно, что в одной и той же местности чересполосно живут помещики-христиане и помещики-мусульмане, а в их владениях точно также вперемешку живут язычники, мусульмане и православные. Нередки случаи, когда владения православных помещиков переходили к татарам-мусульманам, а служилые татары-помещики владели кабаками, от которых они получали доходы. Крестьяне-мусульмане и крестьяне-язычники – мордвины, чувашаи и «латыши» – проживали на монастырских и церковных владениях. В 2004 г. я спросил наших коллег, занимавшихся монастырским землевладением в Поволжье, как объяснить, что на церковных землях жили мусульмане и язычники? Мне объяснили это нехваткой ресурсов. На мой взгляд, для крещения нужно рвение и желание, но желания не было. Но почему не было желания – никто этого пока не объяснил. Есть отголоски объяснять это прагматизмом или страхом перед крымскими татарами или реакцией турецкого султана. Я всегда люблю ссылаться на язычников – кто их будет защищать? Нет языческого султана, царя и императора. Язычников крестят только по их добровольному желанию. Я утрирую, но эта бесспорная картина, исторический факт.

Согласно очень детальному описанию писцовой книги 1565–1568 гг. «всего в Казани на посаде и в слободах посадских и бобылок и слободцких служилых татар 224 двора; людей в них вдов и служилых татар 224 человека (т.е. домовладельцев), детей их, и братья, и племянников, и пасынков, и внучат, и крепостных людей, и соседей и соседних детей, и всяких чинов людей 315 человек; и обоего вдов, и служивых татар, и их детей и всяких чинов людей 539 человек». Так или иначе, 539 человек в Казани и ее округе в 1565 г. – это мусульмане. При этом в зимний период мусульманское население татарской слободы резко возрастало. Летом они кочевали, а зимой приходили зимовать в город: «Да за Булаком на Кабане озере слобода Татарская... да 150 дворов татарских и чувашских; и летом многие дворы стоят порозжи; а сказали прикащики Артемей Староельской с товарищи да татарин Башкин с товарищи, что в те татарские дворы татаровя и чуваша приезжают жить зимою или в заворошню (плохую погоду?), и тогда де их живут в одном дворе семей по 10, а в оном дворе и больши 10 семей».

В 1646 году неправославное население самой Казани (не включая Татарскую слободу, которая находится за городом), согласно писцовым записям этого времени,

насчитывало 576 человек, и абсолютное большинство составляли именно мусульмане («татары», «татаровя»)¹⁵.

И в городе и в округе много церковных учреждений и церковных лиц. Они владеют большим количеством земли и не проявляют желания заниматься миссионерской работой, обращением мусульман и язычников в православие.

Самое последнее – город Касимов. В 1627 г. это был город, обнесенный деревянной стеною с башнями, и окруженный осыпью. В нем сосредотачивалось всё главное местное управление: тут была церковь соборная Вознесения Христова, деревянная; тут же помещалась изба съезжая, двор воеводский, двор рассыльщиков, двор пушкарский и амбар с пушками, с пушечными запасами и с пороховою казною; тут же находилось место дворовое царевича Сеид-Бургана, принадлежавшее прежде царю Арслану. Это были еще некрещеные татары. Последнего касимовского царевича крестят только в 1650-е гг., при этом его мать останется мусульманкой. Затем в Касимове была слобода Татарская, центр мусульманского населения. В ней стояла «мизгить или мечеть каменная». Против мечети возвышался двор царевичев, «дом и врата каменные». Рядом с мечетью стояла церковь, церквей в городе было несколько, а православное население было довольно значительно¹⁶.

Отвечая на вопрос, проводила ли православная церковь миссионерскую деятельность, следует ответить, что фактически не проводила. Были исключения, но фактически и систематически такая работа не проводилась.

Мы видим, что есть парадокс. Московская Русь не проводила систематической церковной, государственной и, если хотите, дискурсивной экспансионистской политики по отношению к мусульманскому миру и мусульманам Московской Руси. Это надо как-то объяснить. Сегодня Рустам Мухаммадович выразился менее определенно. Выступая на семинарах в 2012 и в 2014 гг. он говорил, что хотя Дмитриев надоел своими приставаниями и то, что все надо объяснять только конфессиональными факторами. Нельзя верить и не может быть, чтобы православие было таким, но сейчас Дмитриев, может быть, совсем и не неправ, может быть, дело и в конфессиональных факторах, так как иначе многие вопросы трудно объяснить. Сегодня Рустам Мухаммадович на конфессиональный фактор не ссылался. Эта тема присутствует в наших публикациях, правда, ни в одной работе я

¹⁵ Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л., 1932 (=Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. Вып. 2). С. 48, 196.

¹⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях. Ч.3. С. 178.

не встречал ни одного утверждения, что именно через специфику конфессионального отношения к исламу можно объяснить практику сосуществования в Московской Руси, может быть, на Балканах и в Византии. Но я сейчас говорю только о Московской Руси.

Первые вступительные объяснения, как можно объяснить особенности отношения к мусульманам, исламу, содержится в нашей статье, а именно, в контексте того, как традиционная православная культура, т.е. православная культура до второй половины XVII в., т.е. до ее трансформации, которая вначале стала происходить на украинско-белорусских землях, а затем в Петровской России, относилась к иноверию. Как относились к мусульманам, язычникам, буддистам, индуистам, протестантам и самая характерная здесь тройка – мусульмане, язычники и протестанты. С ними умели жить вместе. Видимо, мы имеем дело с дискурсивной системой, унаследованной скорее всего из Византии и из православного христианства, которое обеспечивало Московской Руси другую модель взаимодействия с мусульманским миром по сравнению с Западным миром, который тоже знает исключения (не будет преувеличивать и упрощать). И эта модель может резюмироваться в следующей формуле: это была интеграция без ассимиляции. Это интеграция без насильственного и систематического крещения.

Этот парадокс пока никто не объяснил. Но некоторые говорят: это выдумки, это однобокая интерпретация отобранных источников, посмотрите на Мисаила, который занимался крещением мордвы, есть сведения о том, что пленных татар в Москве морили голодом и принуждали к крещению. Те, кто не умер, того крестили. Это похоже на то, что произошло с Кейкавусом. До тех пор, пока он не сбежал, его и его сторонников, несколько тысяч человек, не трогали. Когда он сбежал, их стали притеснять и подвергать к крещению. Но в качестве кого? Как мусульман, или как потенциальных или актуальных изменников? Мне кажется, что формула интеграции без ассимиляции передает специфику того, что мы видим в Московской Руси и предположительно в византийской традиции в целом. Теперь мы открываем дискуссию, которая обращается к докладам Р.М. Шукурова, М.В. Дмитриева и к нашей проблематике в целом.

Но самое главное событие – это публикация трех книг Р.М. Шукурова – двух на иностранных одной на русском языке.

Л.П. Найденова (ИРИ РАН):

В конечном итоге у меня есть сомнения, что традиция отношений к иноверию в Русской православной церкви идет от Византии. Здесь есть существенный хронологический разрыв. Византии уже давно не было, когда Россия по настоящему встретила в мусульманском мире. При чем Москва и исламский мир на своих окраинах. Эта преемственность мне кажется недоказанной. Любопытно, что в Русской Православной церкви очень мало святых, связанных с периодом завоевания Казани. Их только трое. Один – житель Нижнего Новгорода, которого захотел крестить казанский хан, но тот отказался, был мученически убит и остался русским Иваном и два крещеных татарина, которых убили из-за их перехода в православие. Все остальное – это биографии казанских святителей. Один из них, Варсанофий, был взят в плен крымскими татарами, выучил там татарский язык, лечил татар, хотя не обладал даром исцеления, приговаривая, что следует благодарить Бога. За то, что он знал татарский язык, он был направлен в Казань и основал Спасо-Преображенский монастырь. До Никона никаких конфликтов не было. Как же быть с Максимом Греком и его посланиями? В обличении «поганного пса Магомета» он, по сути, достаточно верно пересказывает жизненный путь Мухаммеда и только в конце говорит, что они плохие, часто обмываются, но души их черные. Максим Грек, видимо, был знаком с исламом, имел влияние и на отношение церкви к исламу тоже какое-то влияние должен был иметь. Но какое это имело продолжение, я не знаю. Кажется, это все единичные примеры.

М.В. Дмитриев:

Что касается Максима Грека, то это замечательный пример. Вроде бы появились тексты в Московской Руси в 20-40е гг. XVI в., но эти тексты не имеют преемственности. Есть антимусульманский трактат Рикардо Монтекроче, который появляется в московском обиходе в конце XV в. – об этом, кажется, пишет Пол Бушкович. Но все это обновляется только при Симеоне Полоцком, который пишет свое сочинение против Магомета в 80-е гг. XVII в. А Симеон Полоцкий – транслятор западных влияний и традиций на Московскую Русь. Агрессивные тенденции, которые появляются у Максима Грека, а также в «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского, зачатки агрессивного дискурсивного взгляда на ислам есть в «Летописце начала царствования» и в других текстах, касающихся Казанского взятия, но затем все это не находит продолжения. И все что относится к деятельности Гурия, Гермогена, Варсанофия – о них все знают, есть жития, их

антимусульманские мотивы не изучены, но нет следов их миссионерской деятельности...

Л.П. Найденова:

Про Гурия написано, что он построил шесть монастырей и, конечно, многих обратил, но это житийная формула ничего не значит...

М.В. Дмитриев:

Про Гурия известно, что он приготовил крещальню, но непонятно, насколько она пригодилась...

Р.М. Шукуров:

Наличие полемических трактатов – это не признак агрессивности. Это богословская монастырская работа...

Л.П. Найденова:

Там нет догматики и полемики.

А. Стрелецкий (МГУ):

Есть византийские тексты, которые в большей степени осведомлены о биографии Мухаммеда, например, Хроника Амартола.

Л.П. Найденова:

Я не сомневаюсь, что Максим Грек был знаком с греческими источниками, но в чем полемика? Кроме биографии и ругательства там ничего нет.

М.В. Дмитриев:

Это еще лишний раз доказывает, что полемическая литература должным образом еще не прочитана. Я сошлюсь на общее место при анализе западнохристианской письменности и ее взгляда на мусульман и иудеев, что в ней присутствует тенденция к дегуманизации мусульман и евреев. Я долго думал, что в польской письменности этого нет, так как страна веротерпимая, тесно взаимодействует с мусульманским миром, в Речи Посполитой живут литовские

татары. Николай Миско сейчас работает над диссертацией об отношении к мусульманам в польско-литовской литературе XVI – XVII вв. Оказалось, что есть умеренные тексты, а есть тексты, которые рисуют мусульман как абсолютных нелюдей. Я не знаю ни одной формулы, дегуманизирующей мусульман в опыте Московской Руси, хотя некоторые формулы, по мнению Марианны Андрейчевой, могут тянуть в киевский период, но в московский период таких текстов нет. Я не знаю, есть ли они в Византии...

А. Стрелецкий:

В Византии есть. Например, у Никиты Византийского. Мусульмане – это дикие животные. У Дамаскина мусульмане почитают дьявола. Другое дело, что для византийцев – это не много, что значит. Они так и себя называют.

Р.М. Шукуров:

Но они не мешают. Они не указывают на генетическую или генеральную нетерпимость общества. Эти тексты существуют в другом пространстве, они указывают на догматические границы.

Л.П. Найденова:

Есть два города: Тамбов и Тамала. Оба названия неславянского происхождения. Но существует устойчивая народная этимология. Тамбов – там Бог, Тамала – там Аллах и все уверены, что Тамбов – это крепость, который останавливал кочевников, а Тамала – место, где жили мусульмане. И все уверены, что так и было.

М.В. Дмитриев:

Е.А. Агеева подготовила доклад об отношении казаков-некрасовцев (до того, как они переселились в Турцию) к мусульманам и как согласно фольклорным и староверческим источникам складывались отношения с мусульманами на Северном Кавказе. И ее выводы были вполне оптимистические, в духе того, что сказала Людмила Петровна. Они не понимали, зачем нужна была вражда к мусульманству, как религии. Русские фольклорные тексты в отношении мусульман в XIX в. говорят о разграничении двух миров, которые между собой мирно сосуществуют. В то же

время я не знаю опубликованных работ об отношении к мусульманам в русском фольклоре.

А. Стрелецкий:

Магомет – Магомет через «т» – есть у Никиты Византийского, автора конца IX в., то есть цитированные здесь формуляры действительно восходят к более раннему времени. 112 сура, которая присутствует в клятве султана XIV в., изданной Е. Захариаду – главный объект критики Никиты Византийского и более поздних византийских богословов. Возможно, ее знает Дамаскин и направляет против нее свою полемику. В ней Бог наделен качеством «сильного» или «вечного» (самад), что на греческий переводилось как «цельнокованный» («олосфирос»). То есть эта та самая сура, которую греки вставляли в чин оглашения и которой одновременно заставляли клясться мусульман на верность императору. Это замечательно! Когда мусульмане переходят в ислам, они ее высмеивают, а когда заключают союз с императором и воюют на стороне Византии – они ее подтверждают!

У меня также есть небольшой комментарий, касающийся отчасти латинской традиции. Когда крестоносцы стали осваивать Святую землю, в начале 20-х гг. XII в. перед ними встала необходимость создания правового свода. Появляется Наблусский конкордат. Они берут византийское законодательство, переводят его на латинский язык. Между тем их главный вопрос – как взаимодействовать с местным населением. В византийском праве они не находят мусульман, как с ними взаимодействовать в повседневном плане, в сельской местности. Где в греческом тексте стоят «рабы», они переводят их как «сарацины». Для меня это был яркий пример того, что латинское право хочет видеть мусульман и целенаправленно это делает. Мусульмане присутствуют, и в украинской могилянкой традиции это то же есть. Их интересует, можно ли жить вместе с мусульманами, делить с ними стол и ложе, могут ли мусульмане быть повивальными бабками. В византийском законодательстве до XII века этого нет. И встает вопрос, не о том, были ли повивальные бабки-мусульманки, а почему византийское законодательство их не видит и делает ли это умышленно. И тот, пример, который привел Рустам Мухаммадович, показывает, что это было вполне сознательно: не видеть мусульман в политическом светском законодательстве.

И еще один момент относительно отношения православной церкви к иноверию и иноверцам. Есть прекрасная книга С.А. Иванова о византийском миссионерстве, которого, как он считает, не было. И, наверно, он во многом прав.

Однако современный материал, который собирают специалисты по Сирии, Аравии, особенно V – VII вв., показывает, что миссии были. Византийцы составляли грамматики народов, которые они хотели обратить. И таких грамматик было достаточно много. Русская грамматика была последней и о ней все знают. Практика и сама идея обращения существовала и была реализована. И в последнее время вышли много работ по поводу того, в какой мере ислам наследует сирийским византийским миссиям. В Коране мы видим много христианских мотивов и одновременно полемических формулировок.

Христианская полемика – это огромный свод текстов и византийцы тоже знают Риккардо де Монтекроче. Богословская полемика всегда влияет на практику, но я хотел бы показать, что она существует параллельно с такой же мусульманской полемической традицией. Это две интеллектуальные традиции, которые соревнуются между собой в области медицины, астрономии и точно так же в области богословия. И вопрос стоял не во том, чтобы узнать о Боге, а том, насколько наша риторическая школа и практика сильна, чтобы высмеять противника. Они знали друг друга, читали, и соревновались друг с другом в пропаганде гораздо качественнее, чем RT и CNN.

М.В. Дмитриев:

Очень ценное дополнение, особенно того, что касается византийских миссий в Аравии, Эфиопии и Сирии. Подробного рода сюжеты можно будет вновь поднять во время наших очередных семинаров...